

с “чужими” они прибегают к помощи таджикского и русского языков.

Языки и их подсистемы по сферам деятельности могут распределяться не жестко: один из языков или одна из подсистем преобладают в данной сфере, но допускается использование элементов и других языков (подсистем). Так, в семейном общении жителей современной русской деревни преобладает местный диалект, он же используется ими и при производстве сельскохозяйственных работ. Однако в современных условиях чистый диалект, как мы уже выяснили выше, — редкость. Он сохраняется лишь у некоторых представителей старшего поколения сельских жителей. В речи же большинства он сильно “разбавлен” элементами литературного языка и просторечия. Так, в Белоруссии в сфере гуманитарного образования используется белорусский язык (это поощряется официально проводимой политикой государства), но здесь можно встретить и элементы близкородственного русского языка. В сфере производства, несмотря на государственную поддержку родного языка, преобладает русский язык (в специальной терминологии, в технической документации, в профессиональном общении специалистов). Использование белорусского, естественно, не возбраняется.

1.18. Речевая и неречевая коммуникация

Термин *коммуникация* многозначен: он употребляется, например, в сочетании “средства массовой коммуникации” (имеются в виду пресса, радио, телевидение), в технике его используют для обозначения линий связи и т. п. В социолингвистике коммуникация — это синоним общения. Иноязычный термин в данном случае более удобен, так как легко образует производные, а они необходимы для обозначения разных сторон общения: *коммуникативная ситуация*, *коммуниканты* (= участники коммуникативной ситуации) и некоторых других.

Коммуникация может быть *речевой* и *неречевой* (или, в иной терминологии, *вербальной* и *невербальной* — от лат. *verbum* ‘слово, выражение’). Скажем, общение людей в ряде спортивных игр (баскетбол, футбол, волейбол) не обязательно включает вербальный компонент или включает его

минимально — в виде возгласов: *Пас! Бери!* и пр. Не всякая физическая работа требует словесного общения. Например, в цехах с высоким уровнем шума — штамповочном, механосборочном, литейном — обходятся без слов, но люди, работающие в таких цехах, все же общаются (например, при помощи жестов).

Значительно большая часть видов человеческой коммуникации происходит с помощью речи (ведь и язык-то предназначен главным образом для общения). Эти виды в первую очередь и интересуют социолингвистов.

Речевая коммуникация происходит в рамках коммуникативной ситуации¹⁰.

1.19. Коммуникативная ситуация

Коммуникативная ситуация имеет определенную структуру. Она состоит из следующих компонентов: 1) говорящий (адресант); 2) слушающий (адресат); 3) отношения между говорящим и слушающим и связанная с этим 4) тональность общения (официальная — нейтральная — дружеская); 5) цель; 6) средство общения (язык или его подсистема — диалект, стиль, а также параязыковые средства — жесты, мимика); 7) способ общения (устный / письменный, контактный / дистантный); 8) место общения.

Эти компоненты суть *ситуативные переменные*. Изменение каждой из них ведет к изменению коммуникативной ситуации и, следовательно, к варьированию средств, используемых участниками ситуации, и их коммуникативного поведения в целом.

Так, общение судьи и свидетеля в зале судебных заседаний отличается большей официальностью используемых обеими сторонами языковых средств, нежели общение этих же лиц не во время судебного заседания: меняется место, но все другие ситуативные переменные сохраняются неизменными.

¹⁰Говоря выше о невербальной коммуникации, мы не имели в виду жестовые языки глухих. Структурная специфика этих языков такова, что их план выражения целиком ориентирован на жестикуляцию и мимику. В функциональном отношении они не уступают звуковому языку, и, разумеется, жестовая коммуникация тех, кто ими пользуются, также происходит в рамках коммуникативной ситуации.

Обращение судьи к свидетелю с целью выяснения биографических данных с необходимостью предполагает вопросно-ответную форму общения с соответствующими синтаксическими свойствами диалога (эллиптичность высказываний, повтор отвечающим некоторых элементов вопроса и т. п.). Обращение судьи к свидетелю с целью воспроизвести показания последнего на предварительном следствии предполагает преобладание монолога судьи и лишь подтверждающую или отрицающую реакцию свидетеля (меняется цель общения, с сохранением всех других ситуативных переменных).

Выходя из служебной роли, судья перестает находиться со свидетелем в тех отношениях, которые предписывают им обоим определенное речевое поведение. Скажем, в “транспортной” ситуации, если и тот, и другой едут в автобусе — при социальных ролях “пассажир — пассажир” — их речь, разумеется, менее официальна.

Если судья и свидетель знакомы друг с другом, то тем не менее обстановка судебного заседания и их роли предписывают им обоим официальную тональность общения; вне этой обстановки, при “возврате” к ролевым отношениям “знакомый — знакомый” (или “приятель — приятель”) тональность общения может меняться на неофициальную, даже фамильярную, с использованием средств разговорного языка, просторечия, жаргонов.

Общение судьи и свидетеля на приеме у судьи (вне судебного заседания), когда общение контактно и устно, допускает эллиптированные формы речи; собственноручные же письменные показания свидетеля (дистантность и письменная форма общения) требуют эксплицитных, синтаксически законченных форм выражения.

Заметим, что в чисто иллюстративных целях, чтобы показать, как может изменяться каждая ситуативная переменная, мы в значительной степени упростили описанные ситуации, схематизировали их. В реальном же общении ситуативные переменные взаимодействуют друг с другом и каждая из них приобретает определенные значения вкупе с другими. Например, если меняется место общения, то это часто означает одновременно и изменение его цели, а также отношений между коммуникантами и тональности общения. Контактность взаимодействия говорящего и слушающего обычно связана с использованием устно-разговор-

ных форм речи, а дистантность — письменной речи (ср., однако, общение по телефону) и т. д.

Приведем пример записи речи одного и того же лица, рассказывающего в разной обстановке об одном и том же — о научной командировке. При сохранении темы речи изменению подвергается весь спектр ситуативных переменных: цель, место, отношения между участниками коммуникации, тональность, контактность / дистантность, устная / письменная формы речи. Соответственно меняется весь строй речи: выбор лексики, синтаксических конструкций, интонационная структура высказываний, логическая последовательность изложения и т. п.

1. *И вот эту протоплазму надо было... нет, не примеры даже или что... найти, а всю картотеку облазить. Причем черт их знает, может, их вообще нет там, этих терминов (беседа с друзьями).*
2. *Неважно съездила: у меня ведь не было списка слов, надо было как-то исхитриться и разыскать в картотеке не отдельные термины, а всю группу терминов. Причем никто — ни завкартотекой, ни я сама — не знали, есть ли они там вообще (разговор с сослуживцами).*
3. *Очень трудно было отыскать в картотеке необходимые мне термины: я не имела точного списка, пришлось в значительной степени идти на ощупь (устный отчет о командировке на заседании отдела).*
4. *Во время командировки я собирала материал об исследуемой мною группе терминов. Несмотря на трудности — отсутствие точного списка слов и недостаточность информации о наличии терминов интересующей меня тематики в картотеке, мне удалось найти ряд лингвистически содержательных примеров (из официального письменного отчета о командировке).*

Ситуативные переменные имеют разный “вес” с точки зрения силы их влияния на характер коммуникативной ситуации. Бóльшим весом обладают те переменные, которые отражают некоторую лингвистическую или социальную заданность структуры общения, меньшим — переменные, соответствующие многообразию реальных коммуникативных ситуаций. Число значений первых переменных конечно, значения вторых представляют собой незамкнутые множества.

Так, *цель* общения реализуется каким-либо конкретным *речевым актом*, типы которых исчислимы, с использованием определенных функций языка. Например, сообщая что-либо, говорящий прибегает к речевому акту сообщения и использует при этом язык в его информационной функ-

ции, возможно, в сочетании с эмотивной (это зависит от намерений говорящего: хочет ли он просто информировать слушающего о чем-либо или же еще и прокомментировать сообщаемое, внося свои оценки). Просьба, угроза, клятва, извинение, приказ, оправдание и тому подобные интенции говорящего облакаются в форму соответствующих речевых актов, которые отличаются друг от друга как по целям, так и по характеру совмещения в них разных функций языка.

Несмотря на то что *тональность* на первый взгляд кажется такой ситуативной переменной, которая имеет недиакретные значения, в действительности говорящие не только отчетливо ощущают различия между официальным, нейтральным и дружеским (фамильярным) общением, но и знают заранее, какая тональность соответствует тем или иным коммуникативным ситуациям.

В отличие от этих переменных, *место* общения не является наперед заданной переменной, и число значений этой переменной едва ли можно признать конечным. В связи с этим заметим, что и вес этой переменной меньше, чем вес таких факторов общения, как цель, отношения между коммуникантами, тональность общения и др. Изменение места коммуникации далеко не всегда ведет к изменению характера речевого поведения общающихся: если отношения между ними остаются прежними, то изменение фактора "место" оказывается нерелевантным (ср., например, общение учителя и ученика в классе и вне класса). Изменение места общения чаще всего значимо в сочетании с изменением каких-либо других условий общения. Так, если в результате изменения места усиливается зависимость одного из коммуникантов от другого, то меняется характер речевого поведения первого. Например, нарушитель дорожного движения, будучи задержан сотрудником ГИБДД, в условиях городской улицы может позволить себе вербальный протест и несогласие с применяемыми к нему санкциями в большей степени, нежели в отделении милиции, куда в случае необходимости его доставляет милиционер (зависимость нарушителя от милиционера, асимметрия их социальных отношений налицо и в том, и в другом случае, однако во втором — в отделении милиции — она, несомненно, усиливается).

1.20. Речевое общение, речевое поведение, речевой акт

Все три термина, вынесенные в заголовок этого раздела, имеют непосредственное отношение к речевой коммуникации. Первый термин — синоним термина *речевая коммуникация*. Важно подчеркнуть, что оба синонима обозначают двусторонний процесс, взаимодействие людей в ходе общения. В отличие от этого в термине *речевое поведение* акцентирована односторонность процесса: им обозначают те свойства и особенности, которыми отличаются речь и речевые реакции одного из участников коммуникативной ситуации — или говорящего (адресанта), или слушающего (адресата). Термин *речевое поведение* удобен при описании монологических форм речи, например коммуникативных ситуаций лекции, выступления на собрании, митинге и т. п. Однако он недостаточен при анализе диалога: в этом случае важно вскрыть механизмы взаимных речевых действий, а не только речевое поведение каждой из общающихся сторон. Таким образом, понятие *речевое общение* включает в себя понятие *речевое поведение* (о разграничении терминов *речевое общение* и *речевое поведение* см. также в книге: [Винокур 1993]).

Термин *речевой акт* обозначает конкретные речевые действия говорящего в рамках той или иной коммуникативной ситуации. Например, в ситуации покупки товара на рынке между покупателем и продавцом возможен диалог, включающий разные речевые акты: запрос об информации (— *Сколько стоит эта вещь? Кто производитель? Из какого она материала?*), сообщение (— *Две тысячи; Южная Корея; Натуральная кожа*), просьбу (— *Отложите, пожалуйста, я сбегаю за деньгами*), обвинение (— *Вы мне сдачу неправильно дали!*), угрозу (— *Сейчас милицию вызову!*) и др.

В середине XX в. английский философ Дж. Остин, а вслед за ним американские ученые Дж. Серль и Г. Грайс разработали *теорию речевых актов*, в которой выявили ряд закономерностей, характерных для процесса речевой коммуникации, и сформулировали принципы и постулаты, следование которым обеспечивает успех тому или иному речевому акту и в целом речевой коммуникации: например, "выражайся ясно", "будь искренен", "будь краток", "избе-

гай непонятных выражений” и др. (см. [Грайс 1985: 222–223]).

Делаются попытки разработать правила речевого общения, которые не только учитывали бы закономерности использования языковых средств, но и регламентировали их совмещение друг с другом в зависимости от характера коммуникативной ситуации. Примером могут служить правила речевого общения, предложенные американской исследовательницей С. Эрвин-Трипп [Ervin-Tripp 1971].

Термин *правило* С. Эрвин-Трипп употребляет для описания, а не для предписания, не для регламентации тех или иных речевых действий, т. е. для констатации некоторых нормальных, типичных актов коммуникации.

С. Эрвин-Трипп различает три типа подобных правил:

1. Правила выбора языковых средств: а) общие для всех социальных слоев; б) специфичные для разных социальных слоев и групп. Пример: выбор формы обращения, национальные и социальные различия в этом выборе.

2. Правила следования, т. е. последовательности речевых действий при коммуникации: приветствия, благодарности, прощания и т. п. В рамках этих правил рассматриваются формулы прощания, приглашений, вызова по телефону, установления коммуникативного контакта.

3. Правила совместной встречаемости; имеются в виду правила соединения в одном контексте тех или иных лексических, фонетических, интонационных, синтаксических и т. п. единиц и свойств. Типы этих правил: а) горизонтальные, определяющие отношения между единицами беседы во времени (их временную последовательность), и б) вертикальные, определяющие соотношение в данных коммуникативных условиях единиц разных уровней языковой структуры (например, в такой-то синтаксической конструкции нормально может использоваться только определенная лексика, выбор нормативной лексики должен сочетаться с нормативным произношением и т. д.).

Особо рассматриваются правила взаимодействия собеседников, когда говорящий стремится к тому, чтобы окружающие или партнер по диалогу, принадлежащие к данной социальной или профессиональной группе, признали его “своим”, одобрили его речевое поведение и правила переключения с одного кода на другой при смене ситуации и социальной роли говорящего.

Следует обратить внимание на то, что перечисленные правила достаточно абстрактны. Они легко применимы к относительно простым коммуникативным ситуациям, какими являются этикетные речевые акты (типа приветствий, поздравлений, прощания и т. п.), а при описании более сложных и при этом более естественных, реальных коммуникативных ситуаций использование этих правил сопряжено с рядом неясностей и затруднений. Неясно также, насколько обязательны правила, предлагаемые С. Эрвин-Трипп. Если, например, говорящий, используя сленг, придерживается литературного произношения, означает ли это, что он строит свою речь “не по правилам”, отклоняется от стандартов речевого поведения? Всегда ли говорящий должен выбирать те формы общения, которые приняты в данной социальной среде, т. е. социально или профессионально окрашены, или же и его собственная, свойственная ему манера речевого поведения может обеспечить коммуникативный успех?

При всей условности рассмотренных правил идея своеобразных социолингвистических грамматик, содержащих правила социально-языкового поведения людей в различных ситуациях, весьма привлекательна и заслуживает изучения и разработки. Вместе с тем эта идея чрезвычайно трудна для реализации. Для этого необходимы по крайней мере два компонента: 1) разработанные грамматики конкретных языков, которые позволяли бы порождать не только грамматически правильные высказывания, но и разного рода разговорные конструкции, отклоняющиеся от стандарта, принятого в кодифицированном языке; 2) более или менее исчерпывающие описания всех форм социального поведения членов языкового сообщества. На современном этапе развития социолингвистики можно говорить лишь о фрагментах как того, так и другого.

1.21. Коммуникативная компетенция носителя языка

В процессе речевой коммуникации люди пользуются средствами языка — его словарем и грамматикой — для построения высказываний, которые были бы понятны адреса-

ту. Однако знания только словаря и грамматики недостаточно для того, чтобы общение на данном языке было успешным: надо знать еще условия употребления тех или иных языковых единиц и их сочетаний. Иначе говоря, помимо собственно грамматики носитель языка должен усвоить “ситуативную грамматику”, которая предписывает использовать язык не только в соответствии со смыслом лексических единиц и правилами их сочетания в предложении, но и в зависимости от характера отношений между говорящим и адресатом, от цели общения и от других факторов, которые в совокупности с собственно языковыми знаниями составляют коммуникативную компетенцию носителя языка¹¹.

Характер навыков общения, входящих в коммуникативную компетенцию и отличающихся от знания собственно языка, можно проиллюстрировать на примере так называемых косвенных речевых актов. Косвенным называется такой речевой акт, форма которого не соответствует его значению и цели. Например, если сосед за обеденным столом обращается к вам со следующими словами: — *Не могли бы вы передать мне соль?*, то по форме это вопрос, а по сути просьба, и ответом на нее должно быть ваше действие: вы передаете соседу солонку. Если же вы поймете эту просьбу как вопрос и ответите утвердительно: *Да* или *Могу*, не производя соответствующего действия и дожидаясь, когда же собеседник действительно, прямо попросит вас передать ему соль, — процесс коммуникации будет нарушен: вы поступите не так, как ожидал говорящий и как принято реагировать на подобные вопросы-просьбы в аналогичных ситуациях.

Р. Якобсон обратил внимание на то, что в роли слушающего человек обладает более высоким уровнем языковой компетенции, чем в роли говорящего. “Интересной лингвистической задачей, — писал он, — является точное сравнение более высокой, как правило, языковой компетенции индивида в роли слушающего с более низкой языковой компетенцией того же индивида в роли говорящего” [Якобсон 1985: 382].

¹¹ Наряду с термином коммуникативная компетенция некоторые ученые используют термин социолингвистическая компетенция. Например, С. Эрвин-Трипп настаивает на предпочтении именно этого термина, поскольку “необходимо исключить многие формы владения неязыковой коммуникацией” [Ervin-Tripp 1973: 293].

Это несоответствие отражает фундаментальное различие между двумя интеллектуальными категориями — *знанием* и *владением*. Знание — например, языка — может быть пассивным, в то время как владение языком с необходимостью предполагает наличие определенных активных навыков в обращении с языковыми средствами (подробнее см. об этом в разделе “Владение языком как социолингвистическая проблема” главы 2).

В сферу коммуникативной компетенции входят правила этикета (в русском языковом сообществе они касаются, в частности, употребления местоимений *ты* и *вы*, в японском и корейском — многообразных глагольных форм вежливости), правила общения ребенка со взрослыми (и взрослых с детьми), правила общения со “своим” и с “чужим”, с “высшим”, “низшим” и равным (по социальному статусу), правила соблюдения “социальной дистанции” при значительной асимметрии социального положения участников коммуникации, разнообразные поведенческие (но выражающиеся и в языке) стратегии, управляющие реализацией таких речевых актов, как просьба, требование, обвинение, угроза, обещание и многое другое.

Большая часть этих правил и стратегий — “неписанные”: еще не созданы ситуативные грамматики (о чем мы говорили в конце предыдущего раздела), которые регламентировали бы речевое поведение человека в соответствии с условиями коммуникативной ситуации. Вместе с тем подавляющее большинство носителей языка владеет правилами и стратегиями речевого общения в разнообразных жизненных обстоятельствах, что обеспечивает нормальное и эффективное взаимодействие их друг с другом.

*
* *

Мы рассмотрели ряд ключевых социолингвистических понятий. Разумеется, это не исчерпывающий их список, однако в целом он достаточен для дальнейшего обсуждения проблем, методов и направлений современной социолингвистики. В ходе этого обсуждения мы будем по мере необходимости обращаться и к другим терминам и понятиям, каждый раз указывая тот смысл, в котором они употребляются.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

Тридцать лет назад, формулируя задачи социальной лингвистики, В. М. Жирмунский называл две главные: 1) изучение социальной дифференциации языка (в связи с социальным расслоением общества) и 2) изучение социальной обусловленности развития языка [Жирмунский 1969: 14]. В дальнейшем это мнение одного из родоначальников отечественной социалингвистики подверглось коррекции в сторону расширения круга проблем, которыми должны заниматься социалингвисты. Так, В. А. Звегинцев, хотя и считал, что у социалингвистики отсутствуют четкие границы и что некоторые исследователи (например, Д. Хаймз) непомерно расширяют компетенцию этой науки, относил к ведению социалингвистики проблемы речевого общения, эффективное изучение которых возможно только при всестороннем учете “человеческого фактора”, и в частности социальных характеристик человека [Звегинцев 1976; 1982].

И всё же проблемы, о которых писал В. М. Жирмунский, являются центральными для социалингвистики, поскольку их решение позволяет, во-первых, представить тот или иной язык в реальных формах его существования, имеющих социальную обусловленность, и, во-вторых, выявить движущие силы языковой эволюции, социальные стимулы (или, напротив, препятствия) происходящих в языке изменений. Иначе говоря, решая две указанные проблемы, социалингвистика отвечает на два кардинальных вопроса: как функционирует язык и как он развивается.

Поэтому знакомство читателя с кругом проблем, которыми занимается социалингвистика, начнем с рассмотрения именно этих двух проблем. В ходе рассмотрения мы будем привлекать внимание к разным точкам зрения на решение каждой из проблем, имеющих обращение в современной социалингвистике, а при необходимости и делать экскурсы в прошлое, чтобы показать истоки тех или иных научных взглядов. Однако, прежде чем приступать к анализу социальной обусловленности функционирования и развития языка, необходимо выяснить один важный вопрос, ответ на который полезно учитывать при обращении к собственной социалингвистической проблематике. Это вопрос о самом понятии *язык* и о различиях между языком и рядом смежных понятий — *диалектом*, *наречием*, *идиомом* и др.

2.1. Соотношение языка и диалекта

В “Лингвистическом энциклопедическом словаре” термин *язык* имеет два взаимосвязанных значения: во-первых, язык₁ — “язык вообще, язык как определенный класс знаковых систем”, и во-вторых, язык₂ — «конкретный, так называемый этнический, или “идиоэтнический”, язык — некоторая реально существующая знаковая система, используемая в некотором социуме, в некоторое время и в некотором пространстве» [Кибрик 1990: 604]. Однако если не понимать социум, время и пространство предельно узко, то окажется, что язык₂ является довольно сложно организованным комплексом близких знаковых систем, соотносящихся с членениями социума, времени и пространства. Для этих разновидностей языка₂ в лингвистике возникли многочисленные термины — диалект, наречие (например, *северно-великорусское наречие*), говор, социолект, литературный язык, койне, разговорный язык и т. п., причем часть терминов, возникших в разных лингвистических традициях, с трудом сводимы друг к другу, как это было показано на примере русского термина *просторечие*.

Когда лингвист исследует структуру языка, статус той разновидности языка₂, которой он занимается, часто не важен, а выявление и обоснование этого статуса может оказаться самостоятельной и совсем непростой задачей. Для таких случаев в конце концов пришлось изобретать новый термин *идиом*, обозначающий любую территориально-социальную разновидность языка¹.

Говоря об “идиоэтническом” языке, мы предполагаем, что язык₂ тесно связан с народом (при буквальном понимании термина должен находиться с ним во взаимно-одно-

¹ По сути, этот термин синонимичен термину *код* в смысле, введенном в разд. 1.3. Два термина возникли независимо в разных отраслях лингвистики, и их соотношение близко к дополнительному распределению; термин *идиом* никогда не используется при обсуждении проблемы переключения и смешения кодов, и, напротив, в контексте обсуждения проблемы соотношения языка/диалекта не применяется термин *код*. Часто, впрочем, любую разновидность языка₂ лингвисты называют просто языком, не вкладывая в это слово терминологического смысла, а пользуясь лексической единицей, отражающей наивную картину мира, которая обычно содержит лишь одно понятие (язык, language, Sprache и т. д.). Но если при этом не делать оговорки под *n-ским языком ниже понимается...*, то не исключена реакция типа *Какой же это язык? или Нет такого языка!*